

## ЗНАЧЕНИЕ ПЕРИФРАЗЫ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГО ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

**Е.В. Политова**

*Российский университет дружбы народов  
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В работе определяется роль перифразы, сыгравшая особую роль в формировании светского сознания в русскоговорящем обществе. В нашем исследовании мы установим основу и функциональную нагрузку перифрастических выражений конца 17 – начала 18 вв., которые согласно нашей гипотезе повлияли на формирование светского сознания образованной части общества.

**Ключевые слова:** перифраз, переводная литература, языковая ситуация конца XVII – начала XVIII вв., формирование светского сознания, русский литературный язык, функции перифрастических единиц.

## PERIPHRAISIS IN TRANSLATIONS AS A CONSTRUCTION THAT INFLUENCES ON THE FORMATION OF RUSSIAN SECULAR MENTALITY IN EDUCATED SOCIETY AT THE END OF THE 17<sup>th</sup> CENTURY – THE BEGINNING OF THE 18<sup>th</sup> CENTURY

**E.V. Politova**

*Peoples' Friendship University of Russia  
Miklukho-Maklaya, str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The author defines the language usage trends existing in the Italian and Russian languages in the construction of anaphoric structures. The principal difference is observed in the choice of exterminator, which in its turn affects the degree of connectedness between text elements.

**Keywords:** Periphrasis, translations, linguistic situation at the end of the 17<sup>th</sup> century –beginning of the 18<sup>th</sup> century, formation of secular mentality, russian literary language, the function of the periphrasis.

В конце XVII – начале XVIII века в русском литературном языке появляется тенденция к перифрастичности, обусловленная

языковой ситуацией того периода, а также изменениями в сознании российского образованного общества, связанными с тем, что средневековое мировосприятие вытесняется светским. Образованная часть российского общества всерьез увлекается идеями европейского просвещения, особенно французской культурой и жизнью французского светского двора. Идеология Просвещения требовала оригинальной языковой концепции: «признается необходимость изящного владения разговорным языком, который и обеспечивает "чистоту и приятность" литературной речи. При этом новый литературный язык, противопоставляемый церковнославянскому и основывающийся на разговорном употреблении в принципе связывается с галантной культурой с "политичным" обхождением – с ориентацией на "самый феатр света", то есть на Францию и вообще "весь политичный свет"» [10, с. 146].

Одним из примеров такой заинтересованности Западом становится переводной роман, как возможность для русской аристократии почувствовать и перенять иностранный светский кодекс политеса, ассоциирующийся с правильной манерой вести беседу. Причем, популярностью будут пользоваться «формулы общения» героев светских романов. Верхушке российского общества хотелось говорить красиво, но это требовало от него подготовки и правильного выбора языковых средств. Если у европейского образованного человека формы «культурного бытового общения» были сформированы с детства естественным путем, то «русский дворянин в петровскую и послепетровскую эпоху оказался у себя на родине в положении иностранца – человека, которому во взрослом состоянии искусственными методами следует обучаться тому, что обычно люди получают в раннем детстве непосредственным опытом. Чужое, иностранное приобретает характер нормы» [5, с. 485].

Тенденцию к сближению русской и западной языковых традиций пропагандировал В.К. Третьяковский в своей ранней языковой программе. Молодой Третьяковский, после обучения в Сорбонне с 1728 г. по 1730 г., приобрел основательные знания в области философии и поэзии и хорошо овладел французским языком. Вернувшись в Россию, он начал распространять интерес к французской культуре и к языку, который по сравнению с русским обладал большим стилистическим разнообразием и гибкостью при передаче понятий.

В своем первом переводном романе «Езда в остров любви» французского писателя Поля Тальмана автор открыл для русского общества новую тему «сладкия любви». Книга не только познакомила русское светское общество с западной культурой, но и стала «своеобразным учебником любовного обхождения и галантных нравов». В предисловии к «Езде в остров любви» В.К. Третьяковский пишет о необходимости писать и говорить «простым русским словом» и указывает на то причины: «Первая: языкъ славенской, у насъ языкъ церковной, а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ веке у насъ очюнь темень, и многія его наши читая неразумеють. А сія есть книга сладкія любви, тогорати всемъ должна быть вразумительна. Третія: языкъ славенской ныне жестоко моимъ ушамъ слышится, хотя прежде всего не толко я имъ писываль, но и разговариваль со всеми: но зато у всехъ я прошу прощенья, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ речеточцемъ хотель себя показывать» [9, с. 14].

Вот как молодой Третьяковский характеризует языковую ситуацию начала 18 века: «Проникновение в язык иноязычных заимствований – прямое следствие еще распространенного в образованной среде двуязычия, чрезвычайно интенсивной переводческой деятельности и недостаточности во многих случаях готовых местных средств, которые с успехом могли бы принять на себя выражение новых понятий» [9, с. 18].

Одним из наиболее значимых таких средств выражения светских смыслов в русском языке становится структура перифраза. Так как при переводе иностранных понятий необходимо было передавать значения вещей, предметов, которых на русской почве еще не было, переводчик прибегал к непрямолинейному переводу, то есть к описанию. Структура перифраза, как способ описания значений, позволила бы по-новому выражать понятия, выработанные потребностями общества, не прибегая к заимствованиям, а находя аналоги значений в родном языке.

В.К. Третьяковский в своем первом переводном романе «Езда в остров любви» следовал принципам салонного изложения мысли, что можно заметить при чтении его перевода. Французский язык с его оттенками, тонкими нюансами выражения мыслей, предполагал более точными средствами выражения, по сравнению с

русским языком, поэтому автор использует перифразы, которые органично вписываются в повествование, погружая читателя во внутренний мир главного героя, акцентируя наше внимание на его чувствах и переживаниях: «Семантическая негибкость многих слов, сочетается со стихийной полисемантической, когда слово со сложившимся исходным значением в различных новых контекстах охотно принимает на себя несение новых функций. Отсюда вытекает столь типичная для всего 18 века склонность к “разноименству”, к выражению различными словами общего характера одного и того же специального нового смысла» [4, с. 23].

Для того чтобы увидеть явление перифрастичности в переводном романе «Езда в остров любви», рассмотрим отрывок из текста:

«Езда в остров любви»	«Voyage à l'île d'amour»
<p>«Сіе еще умножить мое несчастіе, ежели мнѣ надобно будетъ <b>возновить в памяти (вспомнить)</b> мои то, которое уже прошло и такъ же сіе не имѣеть какъ возрастить мою болезнь, ежели мнѣ надлежитъ <b>мыслить</b> о оныхъ роскошахъ, отъ которыхъ мнѣ неосталось какъ горькое токмо воспоминовеніе. Однако я уповаю что сіе мнѣ имѣетъ быть къ великому моему утѣшенію, ежели я <b>учиню</b> вамъ наилучшему отъ моихъ друзей <b>вѣденіе (рассказать)</b> о моихъ печалѣхъ и веселіяхъ: ибо печальная жалоба немалую <b>чинить пользу (помогает)</b> злосчастнымъ. Того ради я имѣю позабыть всю скорбь розсказывая вамъ мою Гісторію и хотя на малое время, однако потщуся такожъ перестать частыя и <b>глобокія испускать въздыханія (вздыхать)</b>» (Тредиаковский, 1834, С. 18-19).</p>	<p>«C'est augmenter mes maux prefens, que de <b>rappeller le souvenir</b> de ceux qui sont passés; &amp; c'est accroître ma douleur que de <b>représenter à ma memoire</b> des plaisirs, don't il ne me reste que le cruel souvenir. Je crois pourtant que ce ne me fera pas une petite consolation, que de <b>faire</b> à un de mes meilleurs amis <b>le recit</b> de mes malheurs &amp; de mes plaisirs; la plainte <b>foulage</b> un malheureux: j'oblirai ma douleur en vous contant mon histoire, &amp; je ferai trévé pour un moment avec mes <b>soupirs</b> (Talleyant, 1633, p. 4-5).</p>

Анализируя текст, можно прийти к выводу, что русский переводчик старался вчувствоваться в текст автора, жить идеями Поля Тальмана, перенести изображаемую картину фантастических приключений на русскую почву. Также можно говорить о высокой степени перифрастичности текста. В одном абзаце В.К. Тредиаковский четырежды употребляет структуру перифраза, демонстрируя читателю образность построенных высказываний и сообщая ему формы любовной речи и деликатных разговоров. Автор прибегает к перифразу даже тогда, когда во французском тексте его нет: **чинить пользу** – *foulager*. Присутствует в тексте и обратное явление, когда русскому глаголу, соответствует французское перифрастическое выражение: мыслить – **représenter à ma mémoire**. *«В описании любовных отношений Тредиаковский может отклоняться от французского оригинала, заменяя отвлеченные и перифрастические обороты Тальмана конкретными образами и эротическими ситуациями»* [10, с. 140].

Итак, в результате анализа перифрастических единиц на данном примере, можно сделать вывод, что основой перифрастических конструкций послужили французские описательные выражения, а также французские лексемы, переводимые на русский язык лишь перифрастически. Разнообразны функции перифразов конца 17 – начала 18 вв.; среди них важнейшими являются – эстетическая, обусловленная мировоззрением высшего светского общества и стремлением красиво изъясняться; пояснительная, так как перифраз давал возможность уточнить понятие, взятое из иностранного языка, в частности, в глагольных перифразах раскрыть перед взором читателя сам процесс действия. Таким образом, у читателя возникала картина происходящего перед глазами, как будто бы раскрывалась внутренняя форма слова, экспрессивно воздействуя на него.

Использование перифрастических выражений в конце 17 – начале 18 в. – частотная конструкция, оказавшее влияние на формирование светского сознания русского образованного человека, однако динамика функционирования перифраз остается перспективой дальнейшего исследования.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Третьяковского // Литературный язык 18 века. Проблемы стилистики. – Л., 1982.
2. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка 17 – 19 вв.: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. Школа, 1982.
3. *Гуковский Г.А.* Третьяковский как теоретик литературы // Русская литература 18 века. Эпоха классицизма. – М.-Л., 1964, С. 43-72.
4. *Лотман Ю.М.* Езда в остров любви Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины 18 в. // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 тт. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. С. 22-28.
5. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С.М.Даниэля, сост. Р.Г.Григорьева. – СПб.: Академический проект, 2002.
6. *Пекарский П. П.* Жизнеописание В. К. Третьяковского // Краткая литературная энциклопедия, – М., 1957. – Т. V.
7. *Сазонова Л.И.* Переводной роман в России 18 века как *arg amandi*, Сб. 21. – СПб.: 1999. – С.127-139.
8. *Суббот А.Г.* Из истории изучения перифраз в науке // Актуальные вопросы современной филологии и культурологии. Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов факультета филологии и журналистики. – Мурманск, 2010. – С.83-87.
9. *Третьяковский В.К.* Езда в остров любви.– СПб., 1834. – С. 471.
10. *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка 18 – начала 19 века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. – М.: Изд-во МГУ, 1985.
11. *Шишкин А. Б.* В. К. Третьяковский и традиции барокко в русской литературе XVIII в. // Барокко в славянских культурах. – М., 1982